

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Появилось будущее¹

Почти весь XXI век, он же – путинский период российской истории, россияне – не как частные лица, а как общественность – жили в непривычной для себя временной системе. В ней отсутствовало будущее. Одних это заботило и даже пугало – куда мы идем? что строим? Большинство же, шокированное перестройкой и реформами, приняло это обстоятельство и, как стали говорить, «не парилось» по данному поводу. Вместо будущего было неопределенное, но приемлемое настоящее, главной чертой которого считали стабильность. Смысл этого слова был такой: «Живем? – Живем, и слава богу!» Сложилась многообразные формы адаптации к этой действительности.

1 В статье использованы результаты исследований, проведенных «Левада-центром» совместно с Лабораторией будущего при «Новой газете». АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

В качестве подпорок к такому настоящему использовали различные сюжеты из прошлого, которые тешили национальное самолюбие: что-то из царских времен, что-то из советских. Потом зажгли главную звезду нашей истории – Великую Победу, – а ее рифмой сделали победу свою собственную – Крым. Еще немного воевали, но такой большой стране, великой державе это полагается.

Тут бы вздохнуть с облегчением: как все складно устроилось, жить бы так и жить и никакого особенного будущего не надо. Публика явно собиралась так и поступить, но оказалось, что среди правящих элит нашлись те, кто решил накопленным национальным ресурсом распорядиться совершенно иначе. Надо воевать!

Начали воевать, и страна немедленно обрела будущее. Одним оно показалось ужасным – кто-то бросился бежать от него, кто-то остался. Остальные начали с ним осваиваться. Наши исследования показывают, что одна из основных форм такого освоения – это принятие военной перспективы как единственно возможной, как главной, обусловленной всей нашей историей, и, наконец, как желанной. Остается недоумевать: где, в каких углах массового сознания или подсознания хранилась эта удаля, это мнение-ощущение, что предназначение нашей страны и ее истории именно таково: ковать мечи и воевать?

Понятно, что такой взгляд на себя и свою страну существует у многих из тех, кого у нас зовут «военными», у их родителей, жен и детей. Это немалое число россиян. Но откуда оно у пожилых, особенно у куда более многочисленных среди них женщин, находящихся на пенсии и не связанных ни с воинской

службой, ни с военно-промышленным комплексом? Их же не учили в школах тому, что сейчас преподают на уроках патриотизма. И заполошные провоенные вопли по телевизору они с детства не слушали – их там тогда не было. Ответа нет, но видно, как в их головах собираются в единую конструкцию ксенофобия, фрагменты старых геополитических доктрин, представления о России как о века существующей империи и ее месте в мировой истории.

Красивое слово «империя» имеет здесь сугубо положительное значение. Империя – это хорошо потому что это власть России над какой-то большой частью мира; это российская (русская) власть над территориями в пределах ее границ. Россия хотела бы управлять ими мирно, но многие не соглашались, сопротивляются – и приходится применять силу. В империи все живут дружно, поскольку всем тут хорошо. А вот окружение к России враждебно. «Иностранный» – значит чужой, вредный²; среди чужих не может быть ни друзей, ни союзников. В этой среде с особенным удовольствием ссылаются на формулу Александра III: мол, у России союзники – только армия и флот. Вообще ощущать себя совершенно одинокими в мире, наполненном исключительно врагами, – это особое упоение, позволяющее слабым воображать себя могучей силой.

Вытекающий из этих идей образ будущего закономерно сводится к расширению гегемонии России вплоть до того, что в мире останется только она одна. Полагая военную мощь России самой большой в мире, многие считают, что другие страны покорятся без войны, просто признав ее силу. Побеждать же в войне США и Китай не будет необхо-

2 Поэтому, кстати, в описываемой среде с полным пониманием встречают чекистскую формулу «иностранный агент».

димости: они просто исчезнут в силу неких внутренних пороков, которые их разрушат полностью и очень скоро. Эта картина, где прошлое заместило будущее, напоминает коллективную иллюзию, за которую держатся миллионы россиян. Ради того, чтобы ее не лишиться, они готовы поддержать самые суровые меры в отношении тех, кто может ее нарушить, например, рассказами о том, что действительно происходит в мире или в Украине.

Описанные выше представления в менее выраженной форме можно встретить у гораздо более многочисленной части нашего населения. Они лояльны России как некоторому непреложному порядку вещей: верховная власть – часть этого порядка, затеянная ею СВО – тоже. Единственной альтернативой такому порядку считается «хаос 1990-х» – ничего другого они не видели, – и его возвращения, разумеется, не хотят.

Их представления о будущем обычно сводятся к двум вариантам. Первый: будущее – это точная копия настоящего. Но если основную часть путинского правления представлений о будущем не было вообще – его заменяло настоящее, – то теперь образ будущего есть, и он полностью совпадает с настоящим. Второй вариант схож с первым в том, что социальный порядок в России будущего, разумеется, остается таким же, какой он сейчас (то есть с февраля 2022 года). Но к нему добавляются детали, связанные с научно-техническим прогрессом. Правда, эти технические достижения будущего отдадут 1980-ми (всюду роботы и летающие автомобили) – получается такой своеобразный стим-панк.

Надо заметить, что будущее не является предметом заботы указанной части населения. В картине мира этих людей будущее осуществится само – в силу не-

предложного существования сегодняшней России, – но при этом они говорят, что некие силы хотят (и могут) Россию погубить. Некоторое время назад была распространена тема «распада России» как самого страшного варианта конца ее истории. Дознаться о причинах распада не удавалось – это был отдельный, изолированный кошмар сознания. В последнее время он резко ослаб. Как ни странно, ослаб и страх мировой ядерной войны как другого варианта конца света. (Возможно, тому способствовали разговоры о применении тактического ядерного оружия.) Страх прихода войны на нашу территорию существует, но он не связан с опасениями, что в результате этого Россия перестанет существовать. Вообще идея поражения России в СВО почти не встречалась в наших исследованиях среди россиян, живущих в России. Разве что в такой форме: «Отдать территории – это будет означать поражение России, а это невозможно».

Но активно обсуждается другой вариант возможной гибели России. Он может наступить, если странам Европы удастся навязать ей свою толерантность. Под этим словом подразумевается навязывание России однопольных отношений и, в частности, соответствующих браков. Если они у нас распространятся, по словам излагающих эти взгляды, то рождаемость сократится или вообще прекратится и Россия вымрет. Сюда же примешивается страх нашествия в Россию мигрантов. Помимо опасения, что их придет столько, что они станут большинством, есть и другой, реже артикулируемый страх. Люди иногда «проговариваются», что, поскольку у приезжих из «бывшей нашей Средней Азии» рождаемость гораздо выше, чем у русских, то последние в результате окажутся в меньшинстве (как – по их мнению –

французы во Франции или англичане в Англии), а затем исчезнут.

Отметим, что эти апокалиптические соображения не ставятся ни в какую связь с перспективами развития государства, его экономики и политики. Они сродни страхам, что возникнет новая эпидемия, приход которой не зависит ни от каких социально-экономических или общественно-политических обстоятельств. Также характерно, что в разговорах о будущем россияне не затрагивают темы экологии и изменения климата (в отличие, например, от европейцев). Такое ощущение, что с началом СВО многие сограждане с облегчением отставили эту тематику, если не

считать высказываемых иногда надежд, что с подъемом уровня мирового океана (вследствие таянья льдов) затопит США, а может быть, и Европу, избавив Россию от этих неприятных оппонентов.

Описанные – порой причудливые – феномены массового сознания россиян говорят о том, что фиксируемые нашими массовыми же опросами стабильно высокие показатели одобрения властей и их действий – это поверхность, под которой действуют значительные, достаточно темные и иррациональные, силы. Это возлагает на носителей рационального и морального сознания особую ответственность за перспективы движения страны, когда они окажутся открытыми.